

Хлориди Тор

18+

Сиф

Хлориди Тор

Сиф

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тор Х.

Сиф / Х. Тор — «ЛитРес: Самиздат», 2018

О прекрасных золотых волосах Сиф известно во всех девяти мирах. Но какова цена живого золота и сколько крови из-за него пролилось...

Очень давно, когда вокруг Асгарда еще не стояла стена, мы с Локи часто уходили далеко от дома. Никто не останавливал нас. Даже Тюру было все равно, хотя он придирчивее многих относился к нашим самовольным отлучкам. И редко упускал случай ткнуть пальцем на нарушения нами правил.

Жизнь по своему распорядку нравилась нам. У нас был свой мир, свои интересы, свои слова. Конечно, возвращаясь домой, мы снова принимали установленные правила, но не тогда, когда дух свободы и развязанности рук кружил нам головы.

Наверное тогда это была еще очень крепкая братская дружба, которую не могли развалить ни посягательства родичей, ни многочисленные приятельства, ни даже первые любовные опыты. Хотя один такой опыт едва не закончился весьма обременительно.

Сиф никогда не отличалась особыми навыками, она во всем была средней. Фригга вроде и гордилась ею, а вроде и не гордилась. Фрейя вроде и дружила с ней, и вроде не дружила. Бальдр вроде принимал ее, а вроде и не принимал. Я вроде и любил ее, и вроде не любил. В общем, непонятно с ней все было.

И вот, в какой-то момент все изменилось и Сиф стала заметной. Очень заметной. Особенно ее роскошные волосы, которыми при желании, она могла укрыться вся. Если бы вдруг на ней не осталось одежды, волосы вполне смогли бы ее заменить.

Вот на них-то я и повелся. Ну, красиво, честно! Шелковые, мягкими волнами спадающие по плечам, цвета белого золота, что изредка удавалось выторговать у цвергов. В общем, красивые!

Да и сама Сиф, как чувствуя, что у нее появилось средство притянуть к себе внимание, изменилась. Она стала медлительней и тише, словно уподобилась своим же волосам, которые не прыгали на каждый шаг, а плавно покачивались. Ее грудь приподняла одежды, отчего талия стала казаться тонкой, а бедра аппетитно выпирали из под юбки.

Локи, уж не знаю по какой причине, каждый раз высмеивал ее в моем присутствии, чем очень меня злил. Настолько, что однажды мы с ним разругались, едва не подравшись. Отец вмешался и разнял.

Я был раздосадован таким отношением брата к моим чувствам. Мне казалось, что уж он-то, лучше всех меня зная, должен понимать, что я честен и не скрываю своей увлеченности и очарованности. Почему-то я тогда был уверен, что определенная степень близости, которая у нас возникла, просто обязывала меня открывать ему все движения моей души и порывы сердца. А Локи это воспринял с очень большой долей неприязни, чем нанес мне обиду.

После вмешательства отца, я крепко взял в оборот Сиф. А с Локи я даже видеться не хотел. Злость каждый раз поднималась во мне волной, едва он, издали увидев нас, цеплял на лицо ехидную улыбку. Он, правда, тоже был на меня зол, как сейчас слышу его слова: "запал на безмозглую куклу с сиськами, словно распоследний оголодавший дурак".

Теперь, вспоминая ту ссору, мы только посмеиваемся, но тогда это был повод для драки.

Сиф будто понимала это и старалась далеко от меня не отходить. Она всегда оказывалась рядом – улыбчивая, с томными глазами и пышной грудью. Я ловил на нас восхищенные взгляды. Правда, мне казалось, что смотрят все же больше на меня. И это было забавно.

В общем, красота и мягкость Сиф, ее роскошные волосы и округлое тело, сделали то, что природа предусматривала, и однажды я, наплевав на все условности, зажал ее в углу, презрев правила, забыв о пристойности, и наслаждался во всех доступных вариантах. Моему удовольствию не было границ. Тело мое ликовало и требовало еще. А Сиф, словно впитавшая морскую влагу одежда, обволакивала меня, спутывая движения, не отпуская.

Я был счастлив и утомлен. Счастлив настолько, что забывал об утомленности, и утомлен так, что счастьем не было сил покинуть меня.

Сколько длилась наша страсть я не вспомню. Довольно долго. И Фригга уже с каким-то дивным выражением посматривала на меня и иногда, подзывая, проходила чуткими пальцами по моей груди, там, где бьется сердце и прижималась щекой к моей щеке.

Бороду я тогда не носил, да и можно ли было это назвать бородой. Я был юн.

Я был юн, а страсти мои были сильны. И с трудом подчиняемы. Но тогда я считал, что подчинять их себе – слабость. Зато выражать в полную мощь – доказательство силы и величия.

Все мы, кто росли вместе, менялись повинуюсь течению Времени.

По замыслу отца, я должен был стать величайшим воином, о чем он не раз напоминал мне. Не на прямую, вскользь, но догадаться было не сложно.

Дни и ночи я находил способы совершенствовать свое мастерство, состязаясь с сильнейшими. Бились они в полную силу, не щадя и не оглядываясь на Всеотца и мое родство с ним. И все же уступали мне в ловкости.

Но после размолвки с Локи и появления у меня Сиф, все попытки вовлечь меня в борьбу были тщетны – в моей голове и моем сердце жила только она одна – страсть. Страсть "распоследнего оголодавшего дурака, запавшего на безмозглую куклу с сиськами".

Отец выслал меня на восток, где намечалась очередная заварушка.

Не знаю, о чем думали эти синерожие дубины, когда решили собирать отряды, чтобы напасть на нас? Наверное о том, какая добыча ждет в случае успеха. Глупцы! Для их усмирения не требовалось великой армии.

Я взял с собою дюжину воинов и на исходе третьего дня мы встретили их – мрачных, решительных и синих. Глаза одного сверкали красным из под шлема. Он был вожаком и, как оказалось, немножко колдуном. Но вряд ли магия спасет от молниеносного броска. Камень, поднятый мною с дороги, глухо ударил в шлем и сияние глаз померкло. Синерожие взвыли и бросились на нас, перепрыгивая тело упавшего.

Я тоже кинулся вперед, желая единым махом разметать эту жалкую свору.

Вооруженные дубинками и несколькими мечами, как могли они нанести урон нам, воинам-асам?

Я рассмеялся, рубанув мечом первого, которого достиг. Яркие капли запятали меня, согрев и взбудоражив. А меч уже нашел другую жертву. Да, мы уступали им в росте, но были быстрее и сильнее. Мы, словно серпы колосья, выкашивали йотунскую нечисть.

Лишь однажды я отвлекся от сражения, когда услышал крик одного из дюжины. Крик ярости и досады.

Я оглянулся.

Мой воин корчился на земле, а синие пальцы, пришедшего в себя вожака йотунов, намертво вцепились в его ногу. Нога синела выше и выше, а от пальцев йотуна тянулись тонкие зыбкие нити, опутывая моего соплеменника.

– Колдун! – я бросился к ним.

Выпустив кишки еще одному, вставшему у меня на дороге, в два прыжка я добрался до йотунского отродья и ударом ноги заставил его голову отклониться так, что хрустнула шея, а челюсть ушла в бок. Ярость вскипела во мне и уже мертвецу я наступил на горло.

Бессмысленный жест, но такой желанный.

Мой воин, избавленный от магического плена, вырывался из скрюченных пальцев. Я махнул мечом и рывком поднял его на ноги. Он не ждал приказаний. Молча ринулся в битву и лишь отрубленная йотунская пятерня отличала его теперь от других сражающихся асов.

Я бросил шлем вождя к подножию трона и отец одними губами улыбнулся мне:

– Не мусори.

– Ты не сказал, что он колдун!

Один высоко задрал брови:

– Сын, это йотуны. Чем занята твоя голова, что ты не помнишь – магия у них в крови? Чье колдовство сильнее?

Я не понял его и так же, как и он, поднял брови, выражая безмолвный вопрос. Отец вздохнул и посмеиваясь поднялся с трона:

– Может кого-то и убедит наивность в глазах, но отцу не ври. Забыть эту особенность синеж... кхм... наших вечных врагов ты мог только в одном случае, если думал не головой, а чем-то еще.

Я начал злиться:

– Эта штука, – я показал пальцем на брошенный шлем вожака йотунской шайки, – свидетельствует о том, что я ничего не забыл!

– Тор, – Всеотец подошел ко мне и похлопал по плечу. – Разве что Хёд не видит, как чары Сиф смущают твой разум. Зато, не сомневаюсь, слышит. Ты влюбился, сынок. И перестал мыслить ясно. Запомни, воин всегда остается воином и никогда не забывает об особенностях врага. Даже в пылу любовного сражения.

Я был смущен и возмущен одновременно. Причем тут Сиф? Какое это имеет отношение к моей победе в битве? Вот валяется шлем колдуна, уничтоженного мной. Он красноречивее Браги говорит о том, что ум мой ясен, а рука тверда! И Сиф... Кстати, почему она не встретила меня?

Я смотрел в льдистый, непроницаемый глаз отца, видел его улыбку и понимал, что он знает больше, чем говорит. И видит дальше, чем я могу предположить. И про Сиф он сказал не просто так.

– С кем я дело свое ложе, никого не касается, покуда я верен тебе и защищаю всех нас!

Мой голос прогремел под сводами чертогов и Один поморщился, прижаткнув пальцем ухо:

– Чего орешь, герой?! Нас тут всего двое. Я лишился глаза, но пока не лишился слуха. Хочешь это исправить? Я сказал не теряй голову! Крути с кем нравится, но помни о своем предназначении. И, кстати, в этот раз ты возился дольше обычного.

Он развернулся и пошел к трону, оставив меня безмолвно открывать рот, не находя достойного ответа.

С языка рвались ругательства, их было так много, что я не мог выбрать какое первым произнести, а потому молчал.

Отец поравнялся с лежащим на полу шлемом и пнул его в мою сторону. Шлем загремел по плитам зала.

– Отнеси это куда-нибудь и больше не таскай в дом мусор. Мне вполне достаточно твоих слов. Иди!

Во мне боролись два чувства – гнев и любопытство. Гнев на отца и его несправедливые подначки и любопытство – куда подевалась Сиф? Пожалуй впервые, с тех пор, как я познал ее тело, она не бросилась встречать меня в первых рядах. Она вообще не появилась. И, похоже, никто не видел ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.